

DOI 10.25991/AE.2020.34.1.026
УДК 821.161.1

И. С. Урюпин

Урюпин Игорь Сергеевич — доктор филологических наук, профессор кафедры русской литературы XX–XXI веков Института филологии, Московский педагогический государственный университет, isuryupin78@mail.ru, is.uryupin@mpgu.su

ФЕЛЬЕТОНЫ М. А. БУЛГАКОВА ПОД ПСЕВДОНИМОМ «ЭММА Б.»: К ВОПРОСУ О ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ПРИРОДЕ И ФУНКЦИЯХ АВТОРСКОЙ МАСКИ*

В статье системно рассматриваются фельетоны М. А. Булгакова «Мертвые ходят», «Динамит!!!», «Горемыка-Всеволод», «Ликующий вокзал», «Сентиментальный водолей», опубликованные в газете «Гудок» в 1925 году и составляющие несобранный цикл, обладающий идейно-содержательным и поэтико-стилистическим единством. Данные фельетоны были подписаны псевдонимом «Эмма Б.», в котором проявился не только прием анаграммирования инициалов писателя, но и обнаружился образный потенциал, актуализировавший литературные ассоциации. В статье высказывается предположение, что скрипт «Эмма Б.» восходит к Эмме Бовари, героине романа Г. Флобера «Госпожа Бовари», занимавшем особое место в художественном сознании М. А. Булгакова в середине 1920-х годов. Эмма Б в булгаковских фельетонах оказывается авторской маской, с помощью которой писатель выражает и изображает «провинциальные нравы» столичных обывателей, представленные сквозь призму миропонимания и жизнеотношения особого типа героя-прецедента, оказавшегося востребованным в русской литературе раннесоветской эпохи.

Ключевые слова: М. А. Булгаков, фельетон, псевдоним, авторская маска, Г. Флобер, «Госпожа Бовари», Эмма Бовари.

I. S. Uryupin

Feuilleton M. A. Bulgakov under the pseudonym “Emma B.”:
on the artistic nature and functions of the author’s mask

The article systematically considers the feuilletons of M. A. Bulgakov “The Dead Walk,” “Dynamite!!!,” “Woe-myka-Vsevolod,” “Jubilant Station,” “Sentimental Aquarius,” published in the newspaper “Gudok” in 1925 and constituting an unapproved cycle with ideological and informative and poetic. These feuilletons were signed by the pseudonym “Emma B.,” which manifested not only the reception of anagramming of the writer’s initials, but also revealed a figurative potential that updated the letter-tour associations. The article suggests that the script “Emma B.” dates back to Emma Bovari, the heroine of G. Flaubert’s novel “Mrs. Bovari,” which occupied a special place in the artistic consciousness of M. A. Bulgakov in the mid-1920s. Emma B in Bulgakov feuilleton turns out to be an author’s mask, with the help of which the writer expresses and depicts the “provincial mores” of the capital’s inhabitants, presented through the prism of the world understanding and life relationship of a special type of precedent hero that turned out to be in demand in Russian literature of the early Soviet era.

Keywords: M. A. Bulgakov, feuilleton, pseudonym, author’s mask, G. Flaubert, «Madame Bovari,” Emma Bovari.

В середине 1960-х годов, когда после десятилетий забвения в литературу стало возвращаться само имя М. А. Булгакова, долгое время известного почти исключительно по пьесе «Дни Турбиных», поставленной во МХАТе режиссером И. Я. Судаковым под руководством К. С. Станиславского, началась кропотливая работа по сбору, систематизации и атрибутированию творческого наследия писателя. По признанию В. Я. Лакшина, булгаковские статьи, очерки, фельетоны, рассказы, разбросанные по газетам и журналам, печатались «часто без подписи или под псевдонимами М. Булл, Тускарора, Г. П. Ухов, Ф. С-ов, М. Неизвестный, Михаил, Эмма Б. и другие» [4, с. 407]. Последний — Эмма Б. — из указанных исследователем псевдонимов, представляющий собой анаграмму из иници-

алов, с которыми часто играл в 1920-е годы писатель (М. Б.; Мих. Б.; Михаил Б.; Эм.; ЭМ; ЭМ. Бе), имеет особую внутреннюю форму, заключающую в себе некий образный потенциал.

Под псевдонимом «Эмма Б.» М. А. Булгаковым были опубликованы в газете «Гудок» осенью 1925 года фельетоны «Мертвые ходят», «Динамит!!!», «Горемыка-Всеволод», «Ликующий вокзал», «Сентиментальный водолей», на первый взгляд, совершенно не связанные между собой, а между тем обладающие несомненным поэтико-стилевым единством и общей интенциональной установкой на саморазоблачение мещанства не как социальной категории, а как нравственного феномена. Все эти художественные произведения, жанровая природа которых диффузна (булгаковский фельетон, по спра-

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18–012–00374 «М.А. Булгаков: pro et contra. История и современное отношение к наследию Михаила Булгакова».

ведливому замечанию М. С. Штейман, «не всегда может быть четко ограничен от сатирического рассказа» [12, с. 129]), представляют собой культурно-маркированные тексты с ярко выраженной повествовательной манерой, присущей герою-рассказчику. Писатель отнюдь не ретуширует, а всячески демонстрирует его социальные, мировоззренческие, гендерные особенности и стереотипы, которые аккумулируются в авторской маске «Эмма Б.». О. Ю. Осьмухина, разграничивающая понятия авторская маска и псевдоним, обращает внимание на то, что «псевдоним (чужое, вымышленное имя), разумеется, вполне возможно рассматривать в качестве одной из форм эстетической игры, и в этом смысле он сродни маске» [6, с. 230], но авторская маска, будучи «явлением исключительно внутри-текстовым» (курсив О. Ю. Осьмухиной. — И. У), обязательно должна быть реализована в самом произведении на разных уровнях художественности (мотивно-образном, сюжетном, стилевом, проблемном и т. д.).

В рассказах / фельетонах, подписанных М. А. Булгаковым «Эммой Б.», обнаруживаются определенные внутри- и межтекстовые связи, которые позволяют рассматривать их как несобранный цикл. Его единство обеспечивает система лейтмотивов и литературный контекст — «смысловое поле, возникающее на границах взаимодействия произведений» [1, с. 7] и восходящее к некоему первоисточнику. Таким первоисточником по отношению к булгаковским рассказам, в которых проявляется ярко выраженное субъектно-образное видение мира, выступает роман Г. Флобера «Госпожа Бовари» (1857), имеющий подзаголовок «Провинциальные нравы». Для М. А. Булгакова было чрезвычайно важно показать не только «провинциальные нравы» обывателей советской столицы в середине 1920-х годов, но и передать особый взгляд на мир духовно ограниченного мещанства, сознательно или бессознательно скрывавшегося под личиной интеллигентности. И хотя в пору сотрудничества с «Гудком» М. А. Булгаков, по утверждению М. О. Чудаковой, «целиком оставался в русле фельетона обличительно-бытового» [11, с. 259], он активно осваивал новые формы художественной выразительности, часто обращался «к текстам русской и зарубежной классической литературы» [9, с. 712], аллюзии и реминисценции из которых явились основой метасюжета всего творчества писателя. Наряду с архетипическими прецедентными образами мировой классики для М. А. Булгакова стали способом выражения и отражения действительности, в самых разных вариантах и вариациях реализуя функцию авторской маски.

Такой маской становится Эмма Б., вызывающая ассоциацию с Эммой Бовари, образ которой вошел в художественное сознание писателя в 1925 году, в период работы над фельетонами и вместе с тем над пьесой «Зойкина квартира», создававшейся под несомненным влиянием флюберовского романа.

Е. А. Иваньшина, обнаружившая интертекстуальные связи и формы историко-культурного диалога между произведениями М. А. Булгакова и Г. Флобера, выделила характерную особенность авторского модуса — сатирическую трансформацию гендерного статуса субъекта: «Принимая во внимание известное высказывание Флобера “Госпожа Бовари — это я” и примерив его на автора “Зойкиной квартиры”, получим еще одно травестийное перевоплощение женщины в мужчину» [3, с. 627–628], а в случае с фельетонами «Эммы Б.» — мужчину в женщину.

От лица Эммы Б. М. А. Булгаков рассказывает истории, в которых разоблачается психология обывателя, претендующего на образованность, но на поверку оказывающегося невежеством, демонстрирующего свое благонравие, оборачивающееся глупостью и пошлостью. Именно такой предстает героиня флюберовского романа Эмма Бовари: «душа у нее мелкая», — замечал в «Лекциях по зарубежной литературе» В. В. Набоков, указывая на «роковой привкус мещанства» [5, с. 190], который, став сутью буржуазного мироощущения, и в советской действительности 1920-х годов проявился достаточно отчетливо.

В фельетоне «Мертвые ходят» представлена доведенная до абсурда история освидетельствования смерти ... живого человека, который заранее явился к фельдшеру Федору Наумовичу, установившему правило привозить к нему покойников, чтобы «констатировать, стало быть»: «Ежели я за каждым буду бегать, сам ноги протяну» [2, т. II, с. 341]. Поэтому и обратился Панфутыч к фельдшеру впрок: «Я, видите ли, Федор Наумович, одинокий»; «Обдумать-то меня некому» [2, т. II, с. 342]. Проблема одиночества, как, впрочем, и другие экзистенциальные проблемы, поднятые художником во всей их нравственно-философской глубине, отнюдь не дезавуированной общим сатирическим пафосом, пропущена сквозь призму мироощущения героя-рассказчика, именуемого Эммой Б., которая, как героиня флюберовского романа, остро переживала свое отчуждение от окружающих: она размышляла о том, «как мелко земные страсти, и о том, что сердце человека обречено на вечное одиночество» [10, с. 230].

Все фельетоны, подписанные «Эммой Б.», как и «рассказы Макара Девушкина», печатавшиеся М. А. Булгаковым в «Гудке» в 1924 году, представляли собой авторские импровизации, обыгрывавшие социокультурные штампы и стереотипы, развивавшие в новых исторических обстоятельствах архетипический потенциал мировой литературы [8]. Проекция на литературные прецеденты в булгаковских фельетонах были весьма условны, служили лишь отправной точкой для полета писательской фантазии, но вместе с тем сохраняли ментально-психологическую связь с первоисточником на уровне аллюзий и реминисценций. Художнику было достаточно одного штриха, чтобы созданный им образ вызвал вполне определенные ассоциации. В сатирической

палитре М. А. Булгакова, опредмечивавшего отвлеченные категории, материализовывавшего самые смелые метафоры, находились точные краски, способные передать характер и обстоятельства, в которых человек проявляет свою сущность. В фельетоне «Динамит!!!» заурядная бытовая сценка на одной из железнодорожных станций, где, по сообщению рабкора, оказались невостробованными 18 фунтов динамита, приобретает черты фарса. От потенциальной опасности, которую представлял динамит, начальнику станции Сидору Ивановичу посоветовал избавиться приезжий: «вы б его попробовали Красной Армии подарить» [2, т. II, с. 344]. Тогда Сидор Иванович направил «глубокоуважаемому тов. Фрунзе» «в знак любви к Красной Армии» [2, т. II, с. 344] свой подарок (здесь и далее курсив мой. — И.У.). И хотя «ответа от тов. Фрунзе еще нет» [Б., с. 345], взрывоопасный подарок может быть истолкован двусмысленно. На игре двусмысленностей построено повествование в романе Г. Флобера. В. В. Набоков называл эту особенность «методом контрапункта или методом параллельных переплетений и перерываний двух или нескольких разговоров или линий мысли» [5, с. 203]. Такими двусмысленностями изобилуют диалоги Эммы Бовари и ее любовника Родольфа, от которого она «требовала, чтобы он подарил ей кольцо, настоящее обручальное кольцо, в знак любви до гроба» [10, с. 175]. «Знак любви» и в романе «Госпожа Бовари», и в фельетоне Эммы Б. таит взрывоопасность «страсти», бывшей проявлением нарочитой сентиментальности, которую каждый по-своему весьма иронично изобличили Г. Флобер («Эмма становилась чересчур сентиментальной» [10, с. 175]) и М. А. Булгаков.

Не случайно один из фельетонов Эммы Б., продолжающий тему провинциального прозябания обывателей, называется «Сентиментальный водолей». Его главный герой, начальник товарной станции Юго-Восточной железной дороги Иван Иванович Деес, по замечанию сослуживцев, был чрезвычайно чувствительной натурой: «То он смеется, то рыдает, то бумаги пишет» [2, т. II, с. 351]. Получив повышение по службе, он заплакал от счастья, что наконец-то покинет захолустье («послал мне Господь за мое долготерпение» [2, т. II, с. 352]). «Из той же вежливости зарыдала через пять минут вся контора Дееса»: «Ах, горе-то какое! Как же мы без вас-то будем?» [2, т. II, с. 352]. Но эти фальшивые слезы горя были слезами облегчения / избавления от власти начальника-самодура. Решив попрощаться со всеми подчиненными «в письменной форме», Иван Иванович написал «пудо-груз <...> ерунды», «вместо печати накапал слезами» [2, т. II, с. 353]. Экзальтированность героя, шаржированная в фельетоне, достигает особого комического эффекта, корреспондируясь с экзальтированностью Эммы Бовари, которая в романе Г. Флобера «внезапно разражалась слезами» [10, с. 281] («ее мокрые от слез глаза блестели, точно огоньки, отраженные в воде»

[10, с. 197]; «у нее дрожали слезы: так после грозы в голубой чашечке цветка дрожат дождевые капли» [10, с. 299]).

От пошлой, обыденной действительности флюберовская героиня устремлялась в мир своих грез, предаваясь иллюзиям, в которые верила больше, чем в окружающую ее скучную и суровую реальность. Она мечтала о празднике жизни, на который ей удалось попасть, получив приглашение на бал в замок Вобьесар к маркизу д'Андервилье. Неизгладимое впечатление на нее произвел изысканный обед: «Эмма, войдя в столовую, тотчас почувствовала, как ее окутывает тепло, овеивает смешанный запах цветов, тонкого белья, жаркого и трюфелей. На серебряных крышках растягивались огни канделябров; тускло отсвечивал запотевший граненый хрусталь; через весь стол тянулись строем вазы с цветами; на тарелках с широким бордюром, в раструбах салфеток, сложенных в виде епископских митр, лежали продолговатые булочки. С краев блюд свешивались красные клешни омаров; в ажурных корзиночках высились обложенные мхом крупные плоды; перепелки были поданы в перьях; над столом поднимался пар...» [10, с. 71]. Подобную картину нарисовало воображение Эммы Б. в фельетоне «Ликующий вокзал», в котором оказалась представлена чудесная метаморфоза — превращение Александровского вокзала в роскошный бальный зал-буфет: «Двести лакеев порхали, взмахивая салфетками, а из телеграфа доносился вой скрипок. Там 15 пар танцевали фокстрот»; «Дверь поминутно хлопала, влетали лакеи, бросали начальнику медные марки, вскрикивали: — Осетрина Америкен! 5 раз! 8 бутылок очищенной, 7 единиц рябиновки!!!» [2, т. II, с. 350]. И хотя это был, «конечно, сон, но все-таки» [2, т. II, с. 350] — сном / прозябанием была не только жизнь Эммы Бовари, признававшейся любовнику Родольфу в том, что он «погружал» ее «в сладкий, волшебный сон» [10, с. 300], но и советских обывателей, над которыми иронизировала Эмма Б.: «Пропадаем, гражданин!» [2, т. II, с. 350].

Подобно флюберовской героине, пытавшейся преодолеть рутину бессмысленного существования среди скучных, невежественных людей и наполнить жизнь смыслом, погрузившись в чтение древней и современной литературы (она «дышала этой пылью старинных книгохранилищ» [10, с. 61], испытывая тягу к просвещению), Эмма Б. в булгаковском фельетоне «Горемыка-Всеволод» поведала «историю одного безобразия». Речь в этой истории шла о мытарствах пасынка «красноармейца командного состава», который «был любознателен, как Ломоносов, и смел, как Колумб» [2, т. II, с. 346], но так и не реализовал свой талант, не сумел побороть обстоятельство и попасть в политехникум. Несмотря на все усилия и упорство, судьба преподнесла ему только «шиш с маслом» [2, т. II, с. 347]. «Мы тебя понимаем и тебе сочувствуем, юный красавец» [2, т. II, с. 347], — говорили ему «учкисты», но не могли ничего изменить. Горький «вывод», к которому

приходит Эмма Б., — «безобразия творятся у нас на белом свете» [2, т. II, с. 348] — это итог размышлений о жизни и итог самой жизни госпожи Бовари, которую, по выражению В. В. Набокова, «с изумительной тщательностью» уничтожает судьба [5, с. 227].

М. А. Булгаков при всей критической заостренности его фельетонов, высмеивавших «бесчисленные уродства нашего быта» [Б., т. VIII, с. 216], имел дело не с «какими-то случайными, единичными явлениями» [7, с. 12], носившими сиюминутный отпечаток конкретного исторического момента, а обнаруживал «существенные, типичные, характерные» [7, с. 12] особенности человеческой ментальности, проявляющиеся в Советской России 1920-х годов точно так же, как и в любую другую эпоху. А потому сам эмпирический материал «рабкоровских писем» писатель пропускал через призму определенного типа непонимания и взаимоотношения, прибегая к приему авторской маски, литературная природа которой позволяла осмыслить время с позиции вечности.

Литература

1. Агеева Ю. П. Поэтика прозаических микроциклов в русской малой прозе 20-х годов XX века: автореферат дисс... кандидата филологических наук. — Екатеринбург, 2014. — 21 с.
2. Булгаков М. А. Собр. соч.: В 8 т. Т. 2. Собачье сердце: Повести, рассказы, фельетоны, очерки. — М.: Центрполиграф, 2004. — 622 с.; Т. 8. Письма. — 605 с.
3. Иваньшина Е. А. Как устроена «Зойкина квартира» // М. А. Булгаков: pro et contra, антология / Сост. О. В. Богданова. — СПб.: РХГА, 2019. — С. 617–630.
4. Лакшин В. Я. О прозе Михаила Булгакова и о нем самом // Лакшин В. Я. Литературно-критические статьи. — М.: Гелеос, 2004. — С. 399–457.
5. Набоков В. В. Лекции по зарубежной литературе. — М.: Независимая Газета, 1998. — 512 с.
6. Осьмухина О. Ю. Категории авторской маски — псевдонима — мистификации: к проблеме разграничения // Пушкинские чтения — 2020. Художественные стратегии классической и новой словесности: жанр, автор, текст. Материалы XXV Международной научной конференции. — СПб.: ЛГУ им. А. С. Пушкина, 2020. — С. 229–236.
7. Садыхова С. А. Гызы. Творчество М. Булгакова — сатирика. Монография. — Баку: Адильоглу, 2007. — 132 с.
8. Урюпин И. С. Макар Девушкин как литературный архетип (Несобранный микроцикл «рассказов Макара Девушкина» М. А. Булгакова) // Acta eruditorum. — СПб.: Изд-во РХГА, 2018. — Вып. 28. — С. 56–59.
9. Фиалкова Л. Л. Рассказы и фельетоны // Булгаков М. А. Собр. соч.: В 5 т. Т. 2. Дьяволиада; Роковые яйца; Собачье сердце; Рассказы; Фельетоны. — М.: Худож. лит., 1989. — С. 704–747.
10. Флобер Г. Собр. соч.: В 3-х т. Т. 1. Госпожа Бовари; Салаambo. — М.: Худож. лит., 1983. — 623 с.
11. Чудакова М. О. Жизнеописание Михаила Булгакова. — М.: Книга, 1988. — 672 с.
12. Штейман М. С. М. Булгаков-фельетонист на страницах «Гудка» // Наука и мир. — Волгоград, 2014. — № 8. — С. 128–129.